

УДК 342.8
DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-70-75

Попова Анна Дмитриевна
Anna D. Popova

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (390000, Рязань, ул. Свободы, 46)
doctor of sciences (history), associate professor, professor of the department of philosophy
Ryazan State University named for S. Yesenin (46 Svoboda st., Ryazan, Russian Federation, 390000)
E-mail: a.d.popova@mail.ru

Избирательное право в глазах россиян в период обсуждений проектов первого российского парламента

Franchise in the eyes of the Russians during the discussions on the draft of the first Russian parliament

Статья анализирует отношение российского общества к избирательному праву в период Первой русской революции. Автор использовал письма, в которых россияне высказывали свои представления об активном и пассивном праве. Делается вывод о мозаичном отношении людей к всеобщему избирательному праву, что представлено как отражение особенностей процесса формирования гражданского общества в нашей стране.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130/18).

Ключевые слова: избирательное право, письма во власть, общественное сознание, Первая русская революция, гражданское общество.

The article analyzes the attitude of the Russian society to the electoral law in the period of the First Russian revolution. The author used letters in which Russians expressed their ideas about active and passive law. The author made a conclusion about the mosaic attitude of people to universal suffrage. He presented this as a reflection of the peculiarities of the process of formation of a civil society in our country.

The article was written with the support of the RFBR grant "The Evolution of Values and Ideas of Civil Society in the Mental Attitudes of the Russian Public Consciousness".

Keywords: suffrage, letters to the authorities, public consciousness, the First Russian Revolution, civil society.

Одним из самых ключевых и принципиальных признаков демократического государства является возможность граждан страны участвовать в управлении страной. Формирование демократических традиций, заложенных еще в период буржуазных революций XVII—XVIII веков, началось с закрепления права избранных от имени народа лиц принимать законы и устанавливать «правила игры» даже для самой верховной власти. Не случайно важнейшими достижениями Английской буржуазной революции явились лишение права короля распустить парламент и гарантии депутатам свободно высказывать свои мысли, не боясь ареста. Развитие и углубление демократии всех буржуазных

стран происходило по линии расширения круга лиц, которые могут принимать участие в формировании парламента и быть его депутатами. Результатом стало оформление всеобщего избирательного права и закрепление представления о нем как о важнейшем показателе степени демократичности общества и условия, которое «обуславливает уровень прозрачности избирательного процесса, направленность политических гарантий, провозглашенных в государстве» [1, с. 120].

Однако эффективность демократических механизмов зависит не только от широты круга лиц, которые могут пользоваться активным и пассивным избирательным правом, но и от уров-

ня развития их гражданского сознания. Люди не просто должны получить право избирать и быть избранными, но в их сознании должно сформироваться представление о значении этого права и механизмах его использования. В этом плане большое значение имеют особенности правовой психологии и ментальные установки общества. Это очень важно учитывать как при проведении реформ, так и при их изучении. Поэтому сейчас историческая наука обращает внимание на источники, способные отразить эти особенности общественного сознания — анекдоты [2], письма во власть [3; 4].

Россия вступила на путь парламентского развития значительно позже других государств: в годы Первой русской революции 1905-1907 годов, когда дальше игнорировать демократические реформы было невозможно. 18 февраля 1905 года император объявил о начале разработки проекта создания представительного органа — Государственной Думы [5], предлагая всем желающим высказывать соображения на эту тему. Отзыв общества был очень энергичным: в Российском государственном историческом архиве сохранился большой массив писем с размышлениями и пожеланиями относительно будущего парламента. Самый большой пласт подобных писем сохранился в фонде Государственного совета для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (РГИА, Ф. 1544). Однако подобные письма встречаются и в фонде Канцелярии императорского величества (РГИА, 1412), а также в фонде самой Государственной Думы. Письма писались представителями самых разных сословий, людьми разных убеждений, разного уровня образования. Формат обращений тоже отличается: от кратких телеграмм до многостраничных авторских проектов устройства будущего парламента.

Так как избирательное право является центральным вопросом при организации работы любого парламента, то понимание его сути людьми может быть названо важнейшим элементом гражданского сознания, от уровня развития которого зависит степень демократичности общества. Представляется актуальным выделить представления авторов писем об избирательном праве, то есть проанализировать их предложения о том, кто и в каком порядке может пользоваться активным и пассивным правом, что позволит расширить представление о процессе формирования парламентаризма в нашей стране, а также лучше понять современные политические взгляды российского общества.

Анализ писем показывает, что на понимание избирательного права оказали влияние пока еще довольно сильные монархические настроения и традиции патернализма. Так, два приват-доцента Санкт-Петербургского университета Дмитрий Петров и Владимир Вальденберг писали: «Мы уверены, что и теперь, как три века тому назад... масса народа по-прежнему считает Своего Самодержавного Государя единственным источником правды и справедливости» [6, л. 130 об.]. Им вторит Орловский дворянин В.Я. Трубников: «Для такого обширного Государства, как Россия, необходимо монархическое правление, к чему склонен и весь земледельческий класс населения» [6, л. 136 об.].

Соответственно, посыл создать парламент воспринимался именно как дар царя народу, а не как результат борьбы народа за свои права. Поэтому в письмах ряд авторов искренне благодарили царя-батюшку за эту великую милость. Крестьяне из Нижегородской губернии писали: «Твои, Великий Государь, министры и чиновники недостаточно знают наше деревенское житье, а потому мы с надеждой ждем исполнения Твоего, Государь, желания призвать к себе и наших крестьян — выборных, которые лично расскажут, что нужно Твоему верноподданному народу» [6, л. 144 об.]. В очень обширном проекте устройства нового государственного органа, подписанного 16 человеками, трактуется именно такой мотив создания Государственной Думы и оговаривается, что не может быть речи о предоставлении народу политических прав: «Усложнившиеся условия жизни требуют от людей призванных к законодательной деятельности такого близкого знакомства с народным бытом, которое может получиться лишь изложением непосредственного опыта и не может быть заменено изучением того или иного вопроса по письменным материалам». Иными словами, члены Государственной Думы видятся как просто более менее квалифицированный источник информации, а не носители мнения народа. Поэтому авторы этого письма считают, что избрание в Думу надо рассматривать не как реализацию права, а исполнение государственной обязанности: «...избрание лиц, призываемых к участию в законодательной работе, должно рассматриваться не сколько как *право*, предоставляемое населению, сколько *обязанность*, на него возлагаемая» [6, л. 153].

Очень разнообразна была палитра мнений, кто и в каком порядке может пользоваться избирательным правом. Так, уже указанные приват-доценты университета предлагали сделать

упор на имущественный ценз, который должен был определяться по объему уплачиваемых налогов, или наличие недвижимости. При этом объем ценза должен, по их мнению, составлять не менее 0,1 от того ценза, который устанавливается для выборов в земства. При этом выборы должны быть многоступенчатые, особенно много ступеней предлагалось установить для выбора депутатов от крестьянских обществ [6, л. 132].

Очень подробно рассмотрено избирательное право и механизм выборов в указанном проекте шестнадцати. Авторы приложили немало сил, чтобы как можно подробнее изложить свои соображения о наилучшем способе отбора для Государя в советчики наиболее достойных людей. Им казалось, что лучше всего осуществлять представительство от общественных организаций. Однако это не было предложением ввести пропорциональную систему: само понятие «общественная организация» не понималось в смысле «политическая партия». Их тогда не было в России и авторы создавать их не предлагали. Первый вариант, который они анализируют, — это выборы от земств и городских дум, но, на их взгляд, он не подходит, так как земства и городские думы — это хозяйственные органы, а хозяйственная деятельность и политическая не должны смешиваться. Затем авторы разобрали другое предположение — выбирать от имущественных и профессиональных группировок. На их взгляд, это тоже не подойдет, так как каждая группа будет отстаивать только свои интересы: «Но это привело бы к господству более богатых классов над остальным населением». После этого они обсуждают третью версию выборов в Государственную Думу — через церковные приходы, так как именно они объединяют людей всех сословий и званий. Однако авторам приходится признать, что в большинстве приходов приходская жизнь идет вяло, «во многих местах приходских собраний никогда не бывает...».

В конечном итоге документ приводит к заключению, что самыми оптимальными являются выборы именно по сословиям. Аргументы у авторов очень простые: «Так как члены одного и того же сословия обыкновенно гораздо лучше друг друга знают, чем лица разных сословий, то понятно почему сословные выборы отличаются у нас... большею сознательностью нежели выборы по бессословным территориальным округам» [6, л. 158]. Также используется еще один аргумент, незатейливый до наивности, — так выборы будет проще проводить, достаточно использовать уже имеющиеся сословные обще-

ства и организации. При этом опять в документе подчеркивается, что участие в законодательной работе должно рассматриваться как повинность, «от которой никто не может уклоняться без уважительных причин, точно определенных в законе» [6, л. 164]. При этом вознаграждения за свою службу выборные получать не должны.

Зато другой автор — дворянин из Бессарабской губернии Павел Петрович Кузминский, который тоже трактует работу в представительном органе именно как обязанность, наоборот предлагает по максимуму использовать имеющиеся органы самоуправления. Он считает, что выборы надо проводить от земств, от городских дум и от дворянских собраний. Каждое губернское земство должно получить право избирать 6 человек в Думу, каждая городская дума по одному представителю (от крупных городов больше), от каждого губернского дворянского собрания тоже по 6 человек. Таким образом, он предлагает автоматически использовать всю систему цензов, установленных для этих учреждений, включая имущественный, сословный, половой цензы, особо при этом оговаривая религиозный. Выборы депутатов от городских дум автор оговаривает фразой: «по одному представителю христианского вероисповедания» [6, л. 186 об.]. В то же время он предлагает разрешить посылать депутатов и некоторым другим общественным корпорациям и объединениям: от Академии наук, от каждого высшего учебного заведения, от вольного экономического общества, от общества содействия промышленности и торговли. 10 представителей должен был направлять Финляндский сейм.

Оригинальные идеи содержатся в письме редактора петербургского журнала «Человеческая жизнь» дворянина Владимира Шаркова. Он предлагает назвать представительный орган Советом Народной Совести, подчеркивая этим свое видение предназначения этого органа — народу давать по совести советы своему Государю. Соответственно достойны такой миссии подданные Российской империи мужского пола, имеющие не менее 40 лет от роду. Автор убежден, именно возраст, да еще такой высокий должен быть главным критерием отбора в законодателя. Однако сами выборы должны происходить от профессиональных организаций. Автор уверен, что это является наиболее оптимальным, так как, по его мнению, сословия уже не являются однородными, то есть представителя одного и того же сословия могут быть представителями самых разнообразных профессий. Зато «благодаря выбо-

рам по профессиям, состав Совета Народной Совести окажется пропорциональным, точным подобием населения всего государства — что желательно прежде всего» [6, л. 181]. Исключение должны составлять представители вредных для общества профессий, например, ниществующие [6, л. 174]. Таким образом, ряд авторов демонстрируют живучесть в обществе корпоративных традиций.

Однако эта позиция не была единственной. Анализ писем показывает, что в общественном сознании присутствовала и идея гражданского равенства. В частности, это отражено в письме крестьянина Моршанского уезда Ивана Болтышева. Прогрессивность его предложений заключается в осознании идеи уничтожить сословия как таковые: «...самое лучшее было бы уравнение прав всех сословий под общим названием “Гражданин Российской империи”, и тогда уничтожилась бы общественная рознь... и от уравнения прав получилась бы громадная польза для совместной дружной работы на пользу Русского государства» [6, л. 134 об.]. Об уничтожении сословий как условия всеобщего избирательного права говорится и в заявлении Ставропольской государственной думы: «Сословия совершенно упраздняются и все граждане России уравниваются в правах: все привилегии, равно как и все ограничения в правах, связанные с принадлежностью к тому или иному сословию, происхождению, национальности и вероисповеданию упраздняются» [6, л. 193], а также в письме от совета Макарьевского сельскохозяйственного общества Николаевского уезда Самарской губернии: «Пусть весь русский народ составит одно сословие, именуемым русскими гражданами» [7, л. 3].

Идея всеобщего избирательного права встречается в письмах подданных разного социального происхождения. Из Сухумской городской думы робко просили: «Желательно, чтобы выборы были бессловными и пропорциональными количеству населения без различия национальностей и вероисповедания» [6, л. 143 об.]. Телеграмма от Благовещенской думы была написана в более категоричном тоне: «...необходимо безотлагательно созвать народное собрание на началах выборах свободными людьми при общей, прямой для всех равной подаче голосов без различия религии, социального положения и национальностей» [6, л. 144]. Аналогичные формулировки использовали и Краснохолменская городская дума, Камышинское сельскохозяйственное общество, Совет общества попечения о начальном

образовании в г. Елисейске, рабочие г. Ялты, крестьяне с. Беляевки Одесского уезда Херсонской губернии. Однако сторонники всеобщего избирательного права чаще всего забывали высказать соображения относительно возрастного ценза избирателей. Только в нескольких проектах это указывается точно. Например, очень точны были в выборе формулировок крестьяне из Одесского уезда, отмечая, что к выборам допускаются: «все граждане без исключения, кроме только определенных по суду, имеющие не менее 21 года от роду» [8, л. 2]. Кандидат прав Николай Торинский к определению возрастного ценза подошел еще более демократично. По его развернутому проекту создания представительного органа — Земского Собора — право избирать и быть избранным должны были получить все мужчины без различия средств, веры, племени, сословия начиная с 17-летнего возраста, живущие в известном приходе не менее месяца [6, л. 321 об.].

А гражданин Тихвинского уезда Новгородской губернии оговаривает еще одно важное условие: «Выборы должны быть: 1) всеобщие; 2) равные, без различия сословий, национальностей, вероисповедания и пола; 3) должны происходить путем прямой и тайной подачи голосов», то есть он предусмотрел ликвидацию пологого ценза. Требования избирательных прав для женщин были в обращении женского собрания г. Ялты, крестьян Понедельской волости Ковенской губернии, Песчанского сельскохозяйственного общества.

Таким образом, видение подданными Российской империи проблемы, кто может избирать и быть избранным в представительный орган, оказалось в 1905 году достаточно мозаичным. Часть респондентов отражали весьма консервативные настроения, воспринимая работу в парламенте именно как обязанность, а не право. Механизм отбора способных исполнять эту обязанность они считали необходимым наполнить большим рядом цензов. Однако в обществе достаточно сильно была распространена и более демократическая позиция. Требования ввести всеобщие, тайные и прямые выборы встречаются довольно часто и исходят от людей разных сословий. Можно даже утверждать, что это было более распространенным предложением, чем идея многоступенчатых и ограниченных выборов. Однако власть в лице Николая II и его правительства оказалась неспособной услышать мнение народа. Ориентир был сделан на консервативные предложения. Многоступенчатость и сочетание множества цензов

(сословный, имущественный, половой, национальный, профессиональный) стали характерными чертами избирательного права закона от 6 августа 1905 года [9]. Революция заставила власть сделать новые шаги. Манифест 17 октября буквально несколькими строчками кардинально менял политический и государственный облик страны. Дума провозглашалась законодательным, а не законосовещательным органом, соответственно страна становилась конституционной, а не абсолютной монархией. Дарование политических прав, в том числе создавать политические партии и организации, открывали дорогу для формирования классического парламентаризма. Однако даже после восстания в Москве, когда избирательные права получила некоторая часть рабочего класса, механизм выборов все равно оставался скованным многочисленными цензами.

Поэтому вполне закономерно, что избирательное право стало предметом политической дискуссии и после начала работы парламента. Среди просьб, предложений и требований, которые были направлены в Думу подданными Российской империи, встречаются требования пересмотреть избирательное право. Так, некий Макарий Островский прислал развернутое письмо с целым рядом законодательных предложений, среди которых опять есть требование перейти ко всеобщему избирательному праву: «Государственная дума составляется из русских граждан всех званий, национальностей, состояний, полов и вероисповеданий, достигнувших 25-летнего возраста» [10, л. 93]. Об этом же пишет и еще один автор, только выбирая еще более категоричные и эмоциональные формулировки. Он упрекает депутатов, что они избраны на основе цензов: «при настоящих условиях обложения пользование правом имущественного ценза является глубоко несправедливым» [10, л. 114]. Соответственно первое, что должна сделать Дума для решения проблем народа, — это уничтожить саму себя, то есть приложить все усилия для создания Учредительного собрания, депутаты которого будут избираться на «основе всеобщего, равного прямого и тайного голосования без различия пола, вероисповедания и национальностей». Требование всеобщих, прямых и тайных выборов содержится и в коллективных обращениях от «граждан и гражданок» г. Иваново-Вознесенска, граждан г. Камышинска, граждан г. Зубцова. Показательный факт — сторонники всеобщего избирательного права сами себя в письмах именуют именно гражданами, а не жителями города, хотя официально тогда это

не было принято. Они сами старались транслировать в политическую лексику новое понятие, ярко отражающее идеи гражданского равенства.

Продолжали высказываться об избирательном праве и консервативные силы. Идея всеобщего избирательного права ассоциировалась у них с новой волной беспорядков и хаоса. Очень показательна формулировка в письме некоего Смирнова, который бросает упреки депутатам Государственной Думы, не выбирая выражений: «...вам Учредительное собрание, равноправие жидам, голосование бабам и чтобы страна пришла в совершенный упадок, вот о чем Вы хлопчите» [10, л. 5]. В письме крестьянина Петра Вепрева тоже эмоции кипят: «Почему Дума мнит себя законодательным установлением, а не совещательным и добивается еще какого-то Учредительного собрания — по глупости, по недоразумению или с задней целью, более навредить...?» [10, л. 56 об.].

В результате вопрос о всеобщем избирательном праве до революции 1917 года так и не был решен, как, впрочем, и многие другие проблемы российского общества. Процесс обсуждения избирательного права в ходе Первой русской революции отразил все особенности формирования гражданского общества в нашей стране. Патернализм, большая роль государства и укоренившаяся в психологии россиян привычка ждать решения власти и уповать на нее замедлило формирование представлений о правах и свободах в общественном сознании [11, с. 110]. Государство, проводя непоследовательную политику, боялось вводить демократические институты, но общественное сознание отличалось мозаичностью и относилось к ним тоже неоднозначно. Отголоски этой психологии ощущаются по сей день и выражаются в том числе в достаточно пока еще пассивном поведении российского электората.

Примечания

1. Старовойтова Е.И. Принципы всеобщности избирательного права в мировой практике: гарантии и ограничения // Сибирский юридический вестник. 2013. № 4. С. 114-121.
2. Демичев А.А. Образ Петра I как «идеального» монарха в российском менталитете XVIII в. (по материалам исторических анекдотов) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4. С. 20—25.
3. Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «Я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 138—158.

4. Попова О.Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищете...»: мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127—135.

5. ПСЗ РИ. Собрание 1881—1913. Т. 25. № 25852.

6. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 2.

7. РГИА. Ф. 1412. Оп. 248. Д. 38.

8. РГИА. Ф. 1412. Оп. 248. Д. 8.

9. ПСЗ РИ (1881—1917). Т. 25. № 26662.

10. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (1 созыв). Д. 236.

11. Туманова А.С., Сафонов А.А. Социально-экономические, политико-правовые и финансовые параметры гражданского общества в теоретических концептах и эмпирических исследованиях // Финансы: теория и практика. 2017. № 5. С. 106—117.

References

1. Starovoytova E.I. Principles of universal suffrage in world practice: guarantees and restrictions. *Siberian Legal Bulletin*, 2013, no. 4, pp. 114—121. (In Russ.)

2. Demichev A.A. The image of Peter the Great as the “ideal” monarch in the Russian mentality of the 18th century (based on historical jokes). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of*

the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 4, pp. 20—25. (In Russ.)

3. Tikhomirov A.A. To deserve, justify and regain the confidence of the party: the Soviet “I” in letters to the authorities in early Soviet Russia. *The newest history of Russia*, 2017, no. 3, pp. 138—158. (In Russ.)

4. Popova O.D. “The government lives under communism, and we are in poverty...”: the thoughts and thoughts of the Soviet people on the eve of the 50th anniversary of October. *Ural historical gazette*, 2017, no. 3 (56), pp. 127—135. (In Russ.)

5. *The complete collection of laws of the Russian Empire*, collection 1881—1913, vol. 25, no. 25852 (In Russ.)

6. RSHA. F. 1544. Op. 1. D. 2. (In Russ.)

7. RSHA. F. 1412. Op. 248. D. 38. (In Russ.)

8. RSHA. F. 1412. Op. 248. D. 8. (In Russ.)

9. *The complete collection of laws of the Russian Empire*. collection 1881—1913, vol. 25, no. 26662. (In Russ.)

10. RSHA. F. 1278. Op. 1 (1 convocation). D. 236. (In Russ.)

11. Tumanova A.S., Safonov A.A. Socio-economic, political, legal and financial parameters of civil society in theoretical concepts and empirical studies. *Finance: Theory and Practice*, 2017, no. 5, pp. 106—117. (In Russ.)